

Елена
Арсеньева

ЛЮБОВЬ ВОЛИКИХ ЖЕНЩИН

Русские
куртизанки

Елена Арсеньева
Русские музы для француза,
или Куртизанки по натуре
(Лидия Нессельроде,
Надежда Нарышкина)
Серия «Русские куртизанки»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179131
Русские куртизанки: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-30099-0

Аннотация

Светские дамы сомнительного поведения... Одни из них были влюблены в сам процесс соблазнения и заняты поиском телесных наслаждений. Вторые делали через постель карьеру, совмещая приятное с полезным. Третьи искали в многочисленных связях с мужчинами мистический смысл. Так или иначе, но равных им не было. Они заставляли трепетать мужские сердца и пускались в самые рискованные любовные авантюры. О страстях, взлетах и падениях наперсницы императрицы Екатерины II Прасковьи Брюс, балерины Авдотьи Истоминой, подруги поэтов

и писателей Нины Петровской читайте в исторических новеллах блистательной Елены Арсеньвой.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

24

Елена Арсеньева
Русские музы для
француза, или
Куртизанки по натуре
(Лидия Нессельроде,
Надежда Нарышкина)

Ох, какая жара, какая духота! На дворе ноябрьская ночь, а в доме словно жаркий июльский полдень. Надежда неприкрытым движением обмахнула со лба пот, делая вид, что поправляет круто завившиеся кудряшки на висках. Какое счастье, что у нее выющиеся волосы, прическа ни в коем случае не сделается в беспорядке, даже от самых быстрых туров вальса. И все же она для надежности взглянула в темное стекло высокого французского окна, ловя свое отражение. Позади нее летели, мелькали пары, и Надежда невольно усмехнулась, подумав, что это разноцветье нарядов изрядно напоминает овощной суп, который помешивает незримой ложкой незримый повар.

С удовольствием провела пальцами по мягким зеленым перьям (в тон глаз!), обрамлявшим декольте ее бального платья (к слову – последняя парижская новинка: отделка перья-

ми марабу, колибри да и самыми простыми крашеными перышками была в необычайной моде, перья порою составляли почти все платье (фасон такой назывался *sauvage*, но Надежда до такой дикости¹ никогда не доходила!), потом коснулась своей шеи – и довольно вздохнула: право, ее кожа нежнее самых нежных перышек колибри! А аромат каков!.. Не далее как вчера Александр бормотал, задыхаясь, что кожа ее благоухает слаще самых модных парижских духов... Наверное, это следовало принять за комплимент, однако Надежда мигом вырвалась из объятий любовника и, словно кошечка (вернее, тигрица!), выставила вперед свои острые, длинные ногти. Она обиделась! Во-первых, господин сочинитель (а в нынешних любовниках Надежды состоял не кто иной, как модный драматург Александр Васильевич Сухово-Кобылин!) мог выдумать что-нибудь менее банальное, чем сравнить аромат кожи обожаемой женщины с ароматом духов, а во-вторых, всякое упоминание о Париже, слетевшее с его уст, Надежда воспринимала как личное оскорбление.

Эта девка, которую он восемь лет назад вывез из Франции... Луиза Симон-Деманш... Какая-то гризетка, которую он подобрал на парижской панели! Сухово-Кобылин, разумеется, уверял, будто Луиза – не гризетка, а модистка, и он встретил ее не на панели, а в кафе или ресторации. Но разве приличная девица пойдет одна в ресторацию?! Никогда в жизни! И приличная дама – тоже не пойдет. Только с су-

¹ *Sauvage* по-французски – дикарь.

пругом или любовником. А девица, конечно, была там со своим содержателем, у которого Александр Васильевич ее и увел. И не только увел, но и увез! Приволок в Россию, выхлопотал вид на жительство в Москве, снял ей дом (и где?.. на Тверской, неподалеку от дома самого генерал-губернатора Закревского!), дал прислугу: повара, кучера (да-да, у бывшей парижской шлюшки теперь имелся собственный выезд!), двух горничных, которые хоть и косоротились, да вынуждены были прислуживать этой безнравственной содержанке!

Надежда брезгливо передернула плечами, скривила губы. У нее при одном только воспоминании о Луизе Деманш начинало в горле першить от злости! Вот уже почти год, как Александр Васильевич Сухово-Кобылин признался в любви Надежде Нарышкиной, вот уже почти полгода, как она отдалась ему и с тех пор продолжает тайные с ним встречи (так же, впрочем, как и явные, на балах, на вечеринках, но, разумеется, все приличия соблюдены, никто ни о чем и не подозревает!), а Луиза Деманш до сих пор живет в самом центре Москвы, в том же доме, на том же приличном содержании, ну а содержит ее все тот же господин сочинитель Сухово-Кобылин! Причем он и слышать не желает о том, чтобы выдворить Луизу за пределы Российской империи. Якобы она начала новую жизнь, делая модненькие шляпки и успешно их продавая, и он не хочет мешать ее успешным делам. Ох, видела Надежда эти шляпки! Ни одну из них она ни за что не

решилась бы надеть, хотя некоторые дуры приходили в восторг от этого убожества, от этой мешанины бархата, цветов и перьев. Право, лгут люди, уверяя, будто француженки от природы наделены хорошим вкусом! Луиза – явно исключение из правил. Любая русская дама, куда ни взгляни, хоть на самую Надежду, хоть на любую из ее гостей, хоть... да хоть на ту даму, которая стоит сейчас на улице под окном, одета куда элегантнее, чем эта жалкая парижская содержанка. Кстати, у той дамы, что стоит внизу, великолепный бархатный, отороченный соболем салоп. Ах, как искрятся на нежном меху отблески костров, разожженных кучерами, которые ожидают своих танцующих хозяев! И какой интересный покрой капюшона... или это двойная пелерина?

Надежда приникла к стеклу, желая разглядеть фасон сапога, – и чуть не ахнула. Упомяни о черте, а он уж тут! Да ведь это сама Луиза Деманш топчется под окном нарышкинского особняка!

Что она здесь делает? Да ведь нетрудно догадаться! Наверняка до нее дошли слухи о новом романе, который затеял господин сочинитель Сухово-Кобылин... Уж не собирается ли она ворваться в дом и устроить скандал? Вот сейчас увидит в окне соперницу и...

Надежда отшатнулась от окна, но тут же гордо вздернула головку, увенчанную великолепными рыжими волосами. Ее изумрудные глаза сверкнули, румяные губы приоткрылись, голос сделался сладостным, искусительным, словно у сире-

ны:

– Александр Васильевич! Подите ко мне, скорей подите! Что же это вы со всеми вальсируете, а хозяйку позабыли?

Сухово-Кобылин поглядел на красавицу с опаскою. Вполне следуя куртуазному завету, что коли ближнего следует любить, как самого себя, то и жену ближнего следует любить, как свою собственную, он вступил с женою своего закадычного приятеля, губернского секретаря Александра Григорьевича Нарышкина, в нежную связь. Однако, само собой разумеется, не кричал об этом на всех перекрестках – скрытничал. Но прекрасная дама ему досталась – бесстрашная любительница эпатировать публику. Такое впечатление, она просто жаждала, чтобы муж прознал про свои рога и устроил грандиозный скандалище. Вот и сейчас – что-то слишком опасно засверкали ее изумрудные глаза...

– Надин, – пробормотал Александр Васильевич, подходя. – Умоляю, тише, ти-ше...

– Да что ж такого я сделала? – усмехнулась его любовница. – Всего лишь хотела вальсировать с вами. Один тур, всего один!

Они вихрем пролетели по залу, но предчувствия Сухово-Кобылина не обманули: вальсом дело не кончилось. Надежда увлекла его в оконную нишу, полускрытую портьерой, и, обхватив за шею, припала к губам таким поцелуем, от которого у мужчин подгибаются ноги и все разумные мысли вылетают вон из головы.

То же случилось и с Александром Васильевичем. Он не мог сказать, сколько тот поцелуй длился: миг, час, день или вечность. Наконец приоткрыл затуманенные глаза – и удивился: прелестное личико его любовницы имело предовольное выражение! Зеленоглазую и рыжую Надежду часто сравнивали то с кошечкой, то с тигрицей. Сейчас создавалось впечатление, будто кошечка вволю наелась сметаны, а тигрица только что обглодала последнюю косточку вкусенькой козочки. Естественно, Сухово-Кобылин, тщеславный, как все мужчины, решил, что именно его поцелуй доставил ей такое удовольствие. А ведь от господина сочинителя, мастера изящной словесности (вообще – инженера человеческих душ, как назовут ему подобных спустя каких-нибудь восемьдесят лет!) можно было бы ожидать если не большей проницательности, то хотя бы большей наблюдательности! Однако он не заметил женскую фигуру за окном, не заметил, как она яростно вскинула руки, как погрозила в сторону окна, как метнулась прочь и вскоре растаяла в темноте... ничего этого он не заметил, а зря, ибо ненаблюдательность его будет иметь для него самые роковые последствия... да кабы только бы для него, а то ведь она будет иметь самые роковые последствия также и для некоего французского писателя, известного в литературе под именем Александра Дюма – только не Дюма-пэра, а Дюма-фиса, то есть сына...

Но все это пока что далеко впереди, девы судьбы еще не прядут эту нить, а значит, и нам погружаться в эту исто-

рию рановато. Обратим лучше наш взгляд на любовников, которые только что обжигали друг друга поцелуем. Хоть и уверяют хладнокровные препараторы страсти нежной, вроде господина Ломброзо, что эротический поцелуй – это так себе, тьфу, не более чем дань свычаям и обычаям цивилизованных и развращенных европейцев (а очень многие народы умудряются вовсе без него обходиться – древние греки и древние египтяне о нем и слыхом не слыхали; новозеландцы покрывают друг друга покрывалами, затем трутся носами, издавая при этом что-то вроде хрюканья и сильно втягивая в себя воздух; некоторые другие туземцы делают то же, но обходятся при этом без покрывал; на островах Дружбы при встрече с любимым человеком или другом берут его руку и сильно трут ею себя по носу и по лбу... etc), однако на эту пару их поцелуй произвел очень сильное впечатление и обоих заставил желать большего.

– Отправляйся к себе домой, – жарко шепнула Надежда, с трудом вырываясь из рук любовника, – я буду следом. Пока танцуют, нас никто не хватится. Уходи черным ходом, скорей же, ну!

Сухово-Кобылин бросился вон из зала, словно за ним черти гнались. Надежда приказала верной горничной всем отвечать: хозяйка в детской, сейчас вернется, – и была такова.

Дом ее любовника находился почти рядом – только через садик пробежать, да выскользнуть из боковой калиточ-

ки, да шмыгнуть в его двор, да взбежать по черной лестнице... Надежда не раз это проделывала, не замедлилась и сейчас. И вот она уже в объятиях милого друга! И вот они уже на удобном канапе! Привычным движением поднята юбка (какое, какое счастье, что в моду наконец-то вошел легкий, подвижный кринолин, а не это нагромождение тяжелых нижних юбок, пробираясь сквозь которые заплутался бы даже Тезей, не заплутававшийся в знаменитом Лабиринте!), все, что можно расстегнуть, расстегнуто, все, что можно снять, снято... поспешные ласки, торопливые движения, исступленные вздохи... *ахлюбовьмякакоесчастье!* – теперь все быстренько надеть, натянуть, застегнуть, поправить, опустить, пригладить, одернуть, метнуть блудливый взгляд в зеркало, потом на ходики – минуло каких-то полчаса, наверняка дома ее не успели хватиться! – повернуться к двери, изготовясь убежать так же стремительно, как прибежала, – и замереть, застыть с криком ужаса, потому что в дверях Надежда увидела неподвижную фигуру Луизы Деманш...

В том самом хорошеньком салопчике.

Бог ты мой... значит, униженная соперница, увидев в окне целующуюся пару, бросилась не в подушку рыдать и слезы утирать, а решила устроить сцену неверному любовнику? И выбрала для этого самое подходящее место и время!

– Что ты здесь делаешь? – яростно выкрикнул Сухово-Кобылин. – Зачем ты пришла? Как ты посмела?!

– А! – закричала Луиза. – Ты *меня* спрашиваешь, зачем

я пришла? А я спрошу тебя, как сюда, в эту комнату, где столько раз обладал мною, ты посмел притащить эту распутную рыжую кошку?!

– Да как вы смеете?! – взвизгнула Надежда. – Кто вы такая?

– Я? – буйно расхохоталась Луиза. – Я такая же шлюха, как и вы, мадам Нарышкина! Да-да, я вас знаю. И вся разница между нами только в одном этом слове: мадам. Вас называют мадам, меня – мадемуазель, но я ни перед кем не держу отчета в своих поступках, а вы... вам туго придется, если я сейчас пойду к вашему мужу и расскажу о том, что видела только что!

Надежда кинулась к Луизе и вlepила ей пощечину, оставив на щеке кровавые царапины от своих длиннющих ногтей. Луиза размахнулась было – ответить тем же, однако Сухово-Кобылин оказался перед нею, загородив Надежду, и оплеуха досталась ему. Он сильно толкнул Луизу, и та отлетела в угол, упала на пол кучкой скомканного тряпья...

Досматривать, на чьей стороне будет победа в этом сражении, Надежда не стала: вылетела вон.

Какой кошмар! Какой кошмар! Неужели ей, Надежде Нарышкиной, дочери члена Государственного Совета барона Ивана Кнорринга, жене губернского секретаря Александра Нарышкина, одной из красивейших и бонтоннейших дам Первопрестольной, выпало пережить такую вульгарную сцену и даже участвовать в ней! Драться с соперницей! Драться

из-за мужчины! Словно какие-нибудь прачки или животные!

Вот именно, животные или даже насекомые! Надежда вспомнила, как ее фрау учительница естественной истории (она получила хорошее домашнее образование) рассказывала, что среди животных очень часты *les crimes de passion*, преступления по страсти. Самки-воительницы муравьев породы *formica rufibarbis* часто приходят в такую ярость, что набрасываются и кусают других самок, личинок и муравьих-рабынь, которые стараются их успокоить и крепко держат до тех пор, пока припадок гнева не минует. Эта Луиза была на шаг от того, чтобы совершить это самое *crime de passion*, жертвой которого пала бы она, Надежда!

Надежда не помнила, как очутилась дома, как взбежала в детскую. Здесь мирно горел ночник, нянька дремала на топчане, трехлетняя Оленька спала в своей кроватке. Надежда мгновение постояла, пытаясь отдышаться, нервно потирая ледяные от волнения руки, потом вышла. Ужасно хотелось броситься к себе в будуар, отсидеться там, но нельзя, нельзя, нужно идти к гостям!

Входя в залу, бросила мимолетный взгляд в зеркало. Щеки горели, словно нахлестанные, словно Луиза Деманш все же достигла цели. Но все же Надежда была хороша, чертовски хороша! Как бы ни ярилась эта вульгарная французская дура, яблоко раздора по имени «Александр Сухово-Кобылин» достанется не ей, а прекрасной тигрице (вот именно – тигрице, а не кошке!) Надежде Нарышкиной!

И она вошла в залу, как никогда, уверенная в себе, своей красотой и неотразимостью. И если бы в эту минуту некто всеведущий шепнул ей в ухо, что она никогда больше не увидит своего любовника, более того – не захочет его видеть, будет избегать встреч с ним истовее, чем черт избегает ладана, и причиной этого станет не что иное, как *crime de passion*, Надежда была бы страшно изумлена и, конечно, не поверила бы этому прорицателю.

А зря...

Бал закончился, как и подобает, уже под утро. Нарышкины до обеда отсыпались, потом принимали барона Кнорринга с супругой. При родителях Надежда с успехом исполняла роль счастливой жены и матери. А в общем-то, это было игрой лишь наполовину: дочь свою она и впрямь обожала и ни за какие блага в мире не согласилась бы расстаться с ней. Иван Федорович и Ольга Федоровна умиленно взирали на дочь и внучку, про себя благодаря Бога, что их шаловлое дитя наконец-то обрзумилось. Что и говорить, Надежда с юных лет задала им немало хлопот. Как, откуда в девочке, рожденной и воспитанной в образцовой семье, поселился этакий бес чувственности, не могли понять ни отец, ни мать. Никто в роду Кноррингов и Белешовых (такова была девичья фамилия Ольги Федоровны) особенной пылкостью не отличался, однако Надежда... о таких, как она, и сказано: мол, камень способна искусить! Может, подкидыш? Ведь и внешне ни в мать, ни в отца, блекло-белесых, бледно-го-

лубоглазых. Рыжая коса, изумрудные очи, стать Венеры, повадки Фрины... Порою отец с матерью за голову хватались! Были минуты, когда они готовы были сдать единственную дочь на перевоспитание в монастырь, однако опасались, что и там обворожительная кокетка найдет выход своим греховным наклонностям. Про монастыри... про монастыри много чего болтают, как мужские, так и женские, как католические, так и православные. Нет уж, лучше поостроже следить за баловницей, приставить к ней дуэнью-бонну-мадаму-гувернантку-фрау, и не одну, а как минимум трех, да постарше, да поуродливей, да посуровей! Больше всего Кнорринги боялись, что слухи о сластолюбии юной баронески, которая не пропустила ни одного из своих преподавателей-мужчин (именно поэтому с некоторых пор ее учителями были только особы дамского пола), ни одного смазливового лакея и давно бы лишилась девственности, сильно испортят репутацию, когда бы... когда бы не была столь же расчетлива, сколь и сластолюбива. Поняв сущность натуры своей дочери (чистейшей воды Манон Леско, куртизанка по натуре!), барон Кнорринг, призвав на помощь всю свою остзейскую выдержку, спокойно заявил: или Надежда себя блюдет, как подобает девице из хорошей семьи, или... или отец лишает ее наследства, еще при жизни переведя все капиталы на содержание исправительных домов для заблудших девиц.

– Тогда выдайте меня поскорей замуж! – возопила неистовая Наденька, давясь злыми слезами.

– Выдам за первого же, кто посватается! – посулил отец, не забыв уточнить после паузы: – За первого же приличного человека.

Судьба распорядилась так, чтобы этим человеком оказался Александр Григорьевич Нарышкин, губернский секретарь, мужчина в годах, а значит, как показалось Кноррингу, вполне способный держать в узде молоденькую проказницу. Разумеется, барон умолчал о чрезмерной пылкости Наденьки, предоставив ее супругу возможность самому совершить приятное (или неприятное, это уж кому как, на вкус и цвет товарища нет!) открытие. Открытие оказалось приятным, и Надежда получила у господина Нарышкина полнейшее доверие или, выражаясь языком картежников, к которым принадлежал добрейший Александр Григорьевич, карт-бланш.

Как она этим доверием распорядилась, нам уже известно.

Итак, миновал этот день, а на другой, 9 ноября, к Надежде прибежала ее приятельница, Софья Сухово-Кобылина, модная художница, сестра небезызвестного Александра Васильевича, прибежала совершенно вне себя, безумная, рыдающая, и в ужасе прокричала, что ее любезный брат только что взят под стражу по подозрению в убийстве московской модистки и купчихи Луизы Симон-Деманш...

Надежда сама не знала, как она не грянулась в обморок сию же минуту, как эту весть услышала. Только присут-

ствие мужа помогло собраться с силами. Впрочем, ее внезапной бледности никто не удивился – небось побледнеешь тут, узнав, что добрый приятель твоего мужа, известный сочинитель, который только вчера самозабвенно вальсировал на твоём балу, – хладнокровный убийца! Разумеется, Нарышкины в один голос уверяли Софью, что не верят, не верят вздорному обвинению, однако в глазах у Надежды так и стояло искаженное яростью лицо ее любовника, она так и видела Луизу в этом ее бархатном, с собольей оторочкой, салопчике, упавшую в угол кучей скомканного тряпья... Что, если она ударилась в ту минуту головой – и умерла? Что, если Надежда присутствовала при нечаянном убийстве? Или убийство свершилось минутой позже, когда Луиза все же нашла в себе силы подняться и намерилась броситься вслед за убежавшей соперницей, а Сухово-Кобылин снова ударил ее... да не кулаком, а чем-нибудь тяжелым, например, бронзовым шандалом, который стоял в его кабинете, ударил – и нечаянно убил. А потом...

Да-да, что было потом? И если Александр Васильевич в самом деле невзначай убил Луизу, что делал после? Отчего взят под стражу только сейчас? Или все это время не мог решиться обратиться в полицию? Или пытался... о Господи, вот ужас-то! – или пытался скрыть труп?! Или Луиза какое-то время была жива, а только теперь отдала Богу душу?

Ужас.

Да, верно, ужас, но было во всем этом нечто еще более

ужасное, чем само убийство, совершенное бывшим любовником (Надежда и не заметила, как сама невзначай употребила это словечко – «бывший»!). Что, если кто-то видел госпожу Нарышкину в тот бурный вечер в доме Сухово-Кобылина? Что, если этот неведомый свидетель донесет? Уже донес? Что, если Надежду привлекут к расследованию как соучастницу пресловутого *crime de passion*? Что, если сейчас Софья расскажет Нарышкину, мол, в вечер совершения убийства брат ее был не один?..

Надежда схватилась за голову, пытаясь привести в порядок сумбурно скачущие мысли, и наконец до слуха ее долетел голос Софьи, которая в подробностях рассказывала о том, что произошло. И Надежда смогла слегка перевести дух, потому что имени ее не упоминалось, это раз, а во-вторых, картина преступления вроде бы вырисовывалась совершенно иная.

Вот именно – вроде бы!

Из записки А.В. Сухово-Кобылина императору Николаю I:

«...7 ноября проведен мною в кругу моего семейства, а вечер – в доме губернского секретаря Александра Нарышкина, где встретил я до 15-ти знакомых мне лиц; после ужина во 2-м часу ночи оставили мы дом его и я, возвратясь к себе около двух часов, лег спать.

На другой день, 8-го числа, я отправился поутру из дому по собственным делам и, заехав на квартиру Луизы Симон, не нашел ее. Прислуга ее объявила мне, что накануне, в 10

часов вечера, она сошла со двора и во всю ночь не возвращалась. Обстоятельство это, несогласное с правильностию и особенною скромностию образа жизни Луизы Симон, с первого раза возбудило во мне опасения. Немедленно занялся я расспросом о ней у ее знакомых и, не получа решительно никаких слухов, вечером того же дня, т. е. 8-го числа, известил Тверскую часть, а уже ночью, обще с зятем моим, полковником Петрово-Соловово, сообщили г. обер-полицеймейстеру.

На следующий день, 9-го числа утром, вновь явились мы к г. обер-полицеймейстеру и, подтверждая наши опасения, просили у него всех средств к самым деятельным разысканиям. Вследствие сей нашей просьбы, немедленно были присланы ко мне полицейские сыщики, которым (в особенности главному из них, Максимову) я объяснил привычки Луизы Симон, назвал ее знакомых, описал приметы и одежду; так, что когда того числа вечером Пресненская часть известилась, что за Ваганьковым кладбищем замечено тело убитой женщины под такими-то приметами, то с другой стороны вся московская полиция уже знала, что Луиза Симон под теми самыми приметами пропала без вести в ночь с 7 на 8-е число необъяснимым образом, а потому имела все причины произвести самый тщательный подъем тела и осмотр квартиры, которые должны были с первого шага привести следователей к открытию убийц.

Несмотря на то, все мои люди были взяты полицией под арест и дом мой подвергнут осмотру. Произведен вновь

строжайший осмотр моего дома, а в особенности кабинета, в котором все мебели, вещи, бумаги и частная моя переписка были пересмотрены, некоторые взяты к делу; сам же я вытребован в городскую часть к допросу. Он начался в 12-м часу дня. Вскоре явился в комнату присутствия г. московский обер-полицеймейстер генерал-майор Лужин, который, обратившись прямо ко мне, сказал мне на французском языке, чтобы я безрассудно не медлил добровольным признанием и что запирательство мое послужит только к аресту всех лиц мне близких.

Слова эти открыли предо мною целую бездну: потрясенный всеми ужасами самого события, смущенный арестом, угрожавшим, может быть, престарелой матери моей, сестрам, зятю, я просил генерал-майора Лужина, чтобы он немедленно представил все улики, все обвинения, говоря, что я готов отдать и имущество и жизнь, чтобы раскрыть этот страшный покров возводимых на меня подозрений. Г. обер-полицеймейстер, к удивлению моему, немедленно удалился, сказав, что улики у него в руках и что они будут представлены в свое время. Мне было предложено около 40 вопросных пунктов, на которые, отвечая собственноручно, точно и подробно, показывая простую, очевидную, а главное, всем известную правду, встречая вопросы обыкновенные, даже излишние, я непрестанно ждал, что явится или лжесвидетель, чтобы уличать меня в убийстве, или, по крайней мере, что предложен мне будет вопросный пункт такого рода, кото-

рый мог бы служить основанием к высказанному мне столь прямо обвинению, но, к удивлению моему, во всех предложенных мне вопросах не встретил ни улики, ни показаний, мне противуречащих, ни даже клеветы или лжесвидетельства, а потому считал себя по крайней мере на этот день чистым пред Законом и Государем. При словесных допросах я поражал следователей очевидною истиною моих доводов, которые заключались именно в том, что мое нахождение в другом месте, а следовательно невозможность лично совершить преступление, доказывается свидетельством более сорока лиц (моего семейства, дома, гостей и людей Нарышкина) и есть обстоятельство существенное и не подверженное никакому сомнению, а потому если следователи, упорствуя в своем обвинении, предположили, что дело это совершено рукою купленных мною убийц, то и тогда надлежало найти сперва самых деятелей преступления и потом уже по их показаниям обвинять меня. Но и здесь было новое оправдание: не сам ли я, после того как исчезла Луиза Симон, первый известил о том полицию и г. обер-полицеймейстера? Не сам ли я дал ее приметы, указал знакомых, рассказал привычки и таким образом давал полиции все возможные средства следить виновных по горячему следу? Данные мною полиции указания были прямы, положительны и оказались верными. Подозрений я не объявлял ни на кого, но на вопрос о лицах, имевших на Луизу Симон неудовольствие, я прямо указал на повара моего, который мог питать на нее злобу потому, что

за месяц пред сим столовый расход по моему дому перешел из его рук в распоряжение Луизы Симон.

Но странно и необъяснимо было показание людей сих. Существенное, капитальное показание прислуги Луизы Симон: что она будто бы 7-го числа в 10-м часу вечера сошла со двора, не подтвержденное ничем и оказавшееся ложью, не подвергнуто было никакому сомнению и на нем, собственно, основаны все обвинения противу меня; мои же показания, подтвержденные всевозможными свидетельствами, принимались за заперательство; даже поспешность, с которой кинулся я отыскивать следы несчастной жертвы, была в глазах следователей беспокойство нечистой совести. Допрос мой длился до 12-го часа ночи, и следователи, не внимая простоте и ясности моих объяснений, без улик и доказательств от меня же требовали или признания в убийстве, или указания виновных, именно в те минуты, когда тщательный осмотр найденного тела Луизы Симон, о котором упоминал я выше, ее квартиры, постели, в которой она убита и на которой не было белья, вещей, которые расхищены, шифоньера, который был в совершенном беспорядке, прямо и просто открывали им истину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.